

На кого ты нас оставил, СЫНОК?..

«Я люблю свою Родину, и я постою за нее с автоматом в руках. Я надеюсь, вы поймете меня и простите за то, что не отказался от командировки. Я – гордость отряда, я – краповик, и я должен быть всегда первым везде и во всем».

(Из письма Миши Бельтюкова)

Как ни молили Бога матери-солдатки, как ни уповали, чтобы миновала наш город костлявая с косой, но она пожаловала. Вся Россия уже содрогается от бабьего воя, корчится в судорогах от невосполнимых потерь, все города и села умылись сыновней кровью, но нас обходило стороной.

И вот 16 марта на Metallургов, 32-4 принесли узкую ленточку телеграммы: «ВАШ СЫН БЕЛЬТЮКОВ МИХАИЛ ВЫПОЛНЯЯ БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ ВЕРНЫЙ ВОЕННОЙ ПРИСЯГЕ ПРОЯВИВ СТОЙКОСТЬ МУЖЕСТВО ГЕРОИЗМ ПОГИБ 13 МАРТА 2000 В НАСЕЛЕННОМ ПУНКТЕ КОМСОМОЛЬСКИЙ = ВРИО КОМАНДИРА В/Ч 6748 ФОМЧЕНКО».

И лишь спустя 16 дней, когда город уже миролюбиво спал, сюда доставили «груз-200», так спланированно и долго скрывааемый от родных глаз и навечно замурованный в цинк, чтобы хранить тайны.

Ночью в тройной погребальной оболочке (ящик, деревянный и цинковый гробы) состоялось возвращение на родную землю ее лучшего сына. Того, кто еще недавно вызывал искреннюю зависть у сверстников своим заразительным жизнелюбием, мужской красотой, былинной силой, а у однополчан – гордость за Божий дар воина.

Миша родился в семье, в которой скромно, но настойчиво культивировались повседневный труд, тяга к знаниям, уважение к старшим. Мама работала воспитательницей в детском доме и учительницей географии и биологии в школе. Отец шоферил и слесарил.

В быту, лишенном праздности и сытости, сильнее проявляются любовь к близкому,

трепетное внимание к внутреннему миру каждого, стремление избавлять друг друга от трудностей, видимых и неприметных. Миша впитал эти непреложные истины с молоком матери.

Упорство и целеустремленность сына вызывали у родителей тихую радость. Миша сам обеспечивал себе подготовку к новому учебному году, и на заработанные своим трудом средства ему приобретали ученическую форму и принадлежности. С малых лет он исследовал раскинувшиеся за Карпинском луга и леса, собирал лечебные травы. Заготавливал целыми мешками, и о нем, как о рекордсмене летней кампании, упоминала городская газета «Карпинский рабочий».

Как и во всякой здоровой семье, имеющей родословную, здесь хранят документальные свидетельства поступи наследника. Вот Ленинский табель ученика 5А класса средней школы № 2 г. Карпинска Бельтюкова Миши. Отметки по всем девяти предметам – «отлично». Подпись: классный руководитель Н. Б. Муравьева. И так – все последующие годы.

На отдельных красивых листках – благодарности за каждый класс этой школы, 5-й, 6-й, 7-й... Тут же диплом об окончании Карпинского машиностроительного техникума. Все документы – как ступени его движения наверх, как камни в фундаменте будущей личности, поднявшейся выше всех нас, простых смертных. Так пишется история – от признательности школьного руководства до отдания почестей государством и армией.

Реликвией стало извлеченное на свет из архивов школы (хорошо, что такие еще хранят бескорыстные светлые души!) сочинение пятиклассника Миши и привезенное учительницей в дни траура.

Елена Васильевна и не подозревала, что сын писал когда-то такое и даже тайком взял фотографию, приклеив ее к сочинению для пущей убедительности своих слов.

Потому что он редко говорил о чувстве, он проявлял его наяву, каждый прожитый день. Прощаясь перед сном, Миша обнимал маму и всегда целовал ее в губы. С детских лет и до самого ухода в армию. И не было дня, чтобы он изменил своей привычке.

Но настал час расставания. И тепло материнских губ он мог нести только в сердце. Перед призывником стоял выбор: морфлот, войска связи (к чему обязывала его специальность по ремонту электрооборудования) и спецназ. Он категорично выбрал последнее, заявив:

– Хочу взять от армии все, что она может дать мужику.

Отец, Василий Михайлович, вспоминает:

– Он был всесторонне развитым парнем. Плавал, бегал, отлично ходил на лыжах. Важнее, что никогда не отлынивал от работы, даже самой тяжелой и нудной. Все делал и по дому, и в саду. У нас никогда не было проблем с ним и в так называемом переходном возрасте. Ему были чужды курево и алкоголь, а последний год он посещал секцию культуризма в спорт-клубе «Маяк». Готовил из себя мужчину, атлета, защитника людей. При недостатке средств я без раздумий оплачивал его занятия, потому что знал, если сын задумал, он обязательно исполнит, и никто не помешает ему в достижении цели.

Все это принесло свои плоды. В спецназе, расквартированном в Н. Тагиле, Михаил зарекомендовал себя с лучшей стороны. Он с первого дня поднимался по иерархической лестнице спецподготовки, на отлично сдавал все тесты и стал обладателем крапового берета. Этот знак – высшее отличие спецназовца, право на которое заслужили только семь человек из пятисот воинов той части.

Вот только некоторые требования для «краповика»: полоса препятствий, 12-километровый кросс в полном облачении, спуск с 4-этажного здания, на каждом из которых поражаешь противника с помощью огнестрельного оружия, гранат и т.д., рукопашный бой с несколькими соперниками на время и т. д.

(Я долго не мог постичь смысл понятия «краповый», тем более, что берет Мишин был темно-красным, почти бордовым, без крапинок. Но крап, как подсказал

словарь С. И. Ожегова, это точки, брызги одного цвета на фоне другого). Так, крап единичных беретов в гуще рядовых зеленых является мозгом этого боеспособного тела, гарантией его силы и живучести.

"И вдруг он прозрел... ему открылась картина ужасов внизу, на земле. Он видел мир влюбленных, но разлученных навек, мир никогда не сбывшихся мечтаний, никогда не осуществившихся планов. Он видел мир мертвых отцов, искалеченных братьев и иступленно кричащих, помешанных сыновей. Он видел мир безруких матерей, и у их груди - безголовых младенцев, пытающихся выкричать свое горе..."

"...если все маленькие люди, все молодые ребята увидят это будущее, то сразу же начнут задавать всякие вопросы. Они станут задавать вопросы и находить на них ответы, и тем, кто посылает их драться, они скажут - эй вы, изолгавшиеся ворюги, сволочи, мы не желаем воевать, не желаем быть мертвыми, хотим жить, мы - это мир, мы - это будущее, и что бы вы ни говорили, какие бы ни произносили речи, какие бы ни выкрикивали разные лозунги, мы не дадим вам искромсать нас на мясо".

Еще ценнее оказалось то, что Михаил остался открытым, приветливым, мягким душой, опровергая своим поведением кастовую принадлежность к избранным. Его чувство юмора и отзывчивость, ровное отношение к новичку ли, к старшему по званию снискали всеобщее уважение. Беспрецедентный факт: офицеры здоровались с ним за руку. На первом году службы.

Разум отказывается поверить в то, что такого парня отняли не только у родителей, у нас всех, у нашей земли. Перед моими глазами пробегают фрагменты любительской киносъемки, сделанной на проводах Миши в армию. Почему же так стремительны эти кадры, так неуловимы, словно ускользающая нить жизни? И сам Бог не в силах ничего изменить после того дня 25 мая 1998 года. Можно только повторить, лишь прикоснуться к вечности, прокручивая пленку назад.

Я вижу белозубую, подкупающую радостью улыбку еще юноши, так напоминающую кинокумира, ангела экранов Америки 60-х годов Джеймса Дина. Но еще больше притягивают его карие глубокие глаза, высокий лоб и прическа вылитого Элвиса Пресли. Во взгляде плещется радость бытия и счастье от осознания своего места в большом окружающем мире.

– Живите, как я! Все зависит только от вас самих! – словно призывают его глаза в объектив камеры.

Затем неподражаемо танцует, по-ребячьи распахнув стесняющую движения рубаху. Обнимает друзей и все время перемещается, стараясь не заострять на себе внимания. Но голос Ольги, сестры, возвращает всех к действительности:

– Давайте пожелаем, чтобы вернулся живой.

На что брат откликнулся:

– Да что вы все – живой, живой...

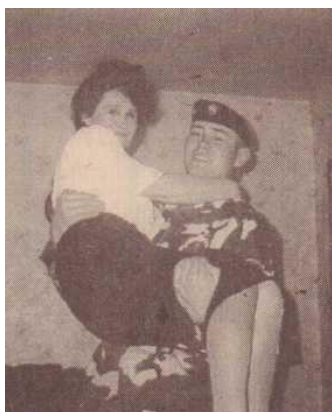
– Переживаем же.

Тосты, улыбки, смех. Но и тут Михаил улучшает момент и, не желая пригублять рюмку, подходит к маме и целует ее в губы. У всех на виду, никого не стесняясь, и долго, умиленно смотрит ей в глаза. Счастлива должна быть та мать, с которой взрослый сын так нежен и по-прежнему предан ей. И она была счастлива...

В октябре Миша приезжал на побывку. Елена Васильевна сразу уловила, как

он задумчив и грустен. Но сын во всем оставался прежним. Даже прилег на кровать матери, как в детстве, прижимаясь к подушке:

– Как пахнет тобой, мама! Никогда не забуду этот запах!

И на перроне вокзала все никак не мог расстаться, то зайдет в вагон, то опять выйдет. И только отцу поведал о наболевшем:

– Нас готовят к Чечне, батя. Только не говори маме, не волнуй ее понапрасну.

И показал выданный солдатский жетон. Так выяснилось, что ему предстояла самая трудная командировка. Самая ответственная – ценою в жизнь.

А 22 декабря, за день до отправки, он написал из Н. Тагила письмо. Оно звучало как исповедь, как священное право выбора и разъясняло только ему уготованный крестный путь.

«Среди нас, спецназовцев, существует такая поговорка: «Если не мы, то кто?» И я согласен с этими словами, кто же кроме нас будет защищать нашу любимую Родину от всяких уродов, если не мы? Так ведь? Я люблю свою Родину, и я постою за нее с автоматом в руках. Я надеюсь, вы поймете меня и простите за то, что не отказался от командировки. Я – гордость отряда, я – «краповик», и я должен быть всегда первым везде и во всем.

Господи, храни нашу семью. Аминь».

И обвел это заклинание рамочкой.

Да, Михаил был верующим, пройдя обряд крещения на гражданке в церкви Казанской Божией матери г. Карпинска. И как православный, кому помогает Всевышний, мог смело смотреть в лицо опасности. Но ни Божье заступничество, ни молитвы матери, ни боевое искусство и бесстрашие не уберегли нашего воина.

Да и как могло быть иначе, когда голова армии не ведает, что творит, руки-ноги опутаны чеченским спрутом из бандформирований и мирного населения (четко выраженной передовой и тыла для нашего солдата не существует). Остается тело с живым верящим сердцем, и его отдают на закланье.

И никаких оправданий первым лицам государства быть не может. Заварив первую кровавую кашу, не успокоились. Шагнув по трупам, наших сынов, и президент, и военная клика, и рыцари плаща и кинжала вновь предоставили возможность

вооружиться мятежникам, почувствовавшим бесхребетность и мягкотелость власти. (Не веришь – читай сегодняшнюю прессу: «Комсомолку», «Советскую Россию», «Завтра».)

И в новой войне много непонятного. Создав «санитарный» пояс, сами же его разрушили и двинули войска на юг. Но когда хотят победить, так не воюют. Обещая «мочить их в сортире», тут же смывают с них кровь амнистией. Уверяют, что применяют высокоточное оружие, а бросают живую силу. Очищают от мирных жителей село для авиационной и артиллерийской обработки, но выдвигают танки, спецназ, пехоту. Так и случилось в проклятом Комсомольском.

Как мы, давно уже никто не воюет. Даже чеченцы, не имеющие авиации, танков, артиллерии, но чьи командиры прошли хорошую школу Советской Армии. У нас же то связь не налажена, то разведка не досмотрела, то передвигаемся без боевого охранения.

До Комсомольского войска специального назначения прошли тернистый путь, участвуя не в мягких и жестких «зачистках», а в боевых действиях. И весточки от Михаила прилетали регулярно.

«23 февраля меня должны повысить в звании, а еще меня представляют к кресту «За отличие» и к медали Суворова, вот так-то.

Смотрел пару раз новости. Оказывается, как говорят по телевизору, воюют одни федералы, а нас как бы не существует. Все спецоперации по ликвидации боевиков, зачистки делают только спецназовцы, ОМОН и СОБР. Да и то ОМОН и СОБР идут только после нас. Спецы всегда впереди, но почему-то о нас умалчивают, несправедливо».

И уже в другом письме снова гордость за принадлежность к элитным войскам: **«Мы везде, где мы необходимы».**

Но искреннее желание помочь Родине, стойкость и героизм сводились на нет слабовольным и инертным командованием. Ни одна операция не доводилась до логического конца по причине соглашательства с местным населением и заискивания перед Западом, дошедшего до того, что жизнь российского солдата – ничто в сравнении с «мирным» чеченцем. Собственному народу преподносились дезинформация и вранье, за которыми обязательно следовали ужасающие потери в людской силе.

В последнем письме, самом трогательном, Миша приближал встречу, пытаюсь проникновенными словами приободрить родных, рассеять накопившуюся тоску и грусть.

«Мамуля, папуля, Оленька! Потерпите, пожалуйста, еще до мая. Приеду в мае домой, и мы с вами все хорошенько обсудим, как мне лучше строить жизнь дальше».

До окончания командировки на специальное боевое задание оставалось десять дней, до «дембеля» – два месяца. Наступил зловещий понедельник 13 марта.

Как объясняло командование в/ч в Н. Тагиле постфактум, взвод Михаила Бельтюкова

попал в неприятный переплет. Его окружили на одной из улиц, практически зажав со всех сторон. Миша приказал молодым бойцам отходить, а сам, отстреливаясь, остался на прикрытии. Дорого бы заплатили за «краповика» боевики, пытаясь его взять живым. Но пуля затаившегося снайпера сразила уральского молодца, стоявшего лицом к врагу.

Замерло от неожиданного ужаса сердце. Дрогнула и повисла рука, так и не приласкавшая мягких волос верной ему девушки. Подкосились ноженьки, так и не сплывавшие на своей свадьбе. В немом стоне раскрылись губы, не успевшие прильнуть к устам своей любимой, единственной. Той, что могла нарожать ему детей дивной красоты и силы, продолжить род Бельтюковых, от которого и миру светло, и людям тепло. Все, срезали род, остановили его мужскую поступь по земле.

А в свидетельство о смерти внесли такую запись: **«Пулевое сквозное ранение в голову с повреждением головного мозга».**

Командиры «геройски» бросают подчиненных в бой. Ничуть не смущаясь, заносят в сводки цифры потерь. Рапортуют кому следует. А своевременно отдать родителям тело сына для захоронения у них не хватает отваги. Или знают, что неоправданные, а чаще невинные жертвы есть следствие непрофессиональных действий руководства?

К 21 марта пообещали доставить тело Миши. Съехалась охваченная горем родня со всей страны. Затем сообщили, что повезут уже через два дня. Потом вновь отыскалась какая-то причина. Время шло, и надежды на то, что привезут к выходным, таяли. Становилось ясно, что в угоду политическому событию ни родственникам, ни окружающим омрачать праздник не позволят.

Муки продолжались еще несколько дней. Бедные родители едва держались, выслушивая о «борте» из Ростова, о поезде из Москвы, о перекладных то в Челябинске и Нижнем Тагиле, то, оказывается, в Екатеринбурге и Качканаре.

Никогда не забуду того жуткого момента, когда на переломе ночи среди земного мрака и ярких небесных звезд появился военный «Урал» со страшной поклажей в утробе. Надсадно урча и мигая габаритными огнями, грузовик подошёл ко Дворцу культуры и долго, неловко разворачивался.

Словно посланник темных сил он не спешил раскрывать свое зеву (там внутри тяжело и мучительно поддавался разборке ящик). А мать солдата, уже перенесшая столько, не могла устоять, и только руки близких поддерживали ее в сознании, в этой нестерпимой действительности.

Извлекли гроб, и вшестером его едва удержали. Еще двое подоспели на помощь. Занеся на постамент, с надсадой освобождали цинковый сердечник от деревянных оков. До бесконечности протирали замерзшее оконце в изголовьи, но Миши не было видно.

И, словно уступив страшному горю и неистовому желанию людей видеть родное лицо, стекло прояснилось и открыло лик воина. Он был безмятежным,

чистым и светлым. Только трехдневная щетинка покрывала худые скулы. А на лбу едва заметный красный бугорок указывал на причину смерти.

– Мальчик мой, мальчик мой, мальчик мой, – едва выдохнула Елена Васильевна. Сотрясаемое рыданиями тело упало на холод цинка.

Тихий, пробирающий до костей плач был громче и страшнее лязга гусениц, грохота артиллерийской канонады, рева самолетов. Этот стон матери должен, подобно землетрясению, пройти по всей России, пробудить спящих, заставить вздрогнуть убийц.

Утверждают, что скорбь не может быть бесконечной. И печаль от ухода прекрасного, послужившего обществу человека, должна быть светлой. Я согласен. Если он прожил большую жизнь, отдал все, что мог. Но когда губят цвет нации, ее самых достойных сынов...

Да, печаль моя светла. И память о земляке будет священной. Но почему-то беспрерывно саднит сердце, а душа наливается черным-черным. Когда я вижу

телекадры о сдаче боевиков в Комсомольском, где прямо перед репортерами нагло позирует женщина-снайпер, я вправе спросить у бравых генералов: «Почему она жива? Или ее берут в плен для амнистии?»

Описываемый эпизод происходил в середине марта, и кто сумеет доказать, что не она убила Михаила, как и многих других ребят?

Только за последнюю неделю с 17 по 24 марта наши потери в Комсомольском составили 83 человека убитыми, 630 – ранеными (сводка Генштаба Вооруженных сил). Сколько из них выживет, а сколько останется калеками – мы никогда не узнаем. И будем дальше покорно наблюдать за истреблением генофонда. Еще немного такой бойни, и нас некому будет защищать.

НТВ первым открыло глаза на невероятные цифры потерь (помните, 50-60 трупов вместо двух-трех, как нам вещали). Водитель «Урала», срочник, прошедший за рулем уже год, потерял счет рейсам смерти. По его словам, в день приходит несколько «двухсотых», а бывает, что сразу 70! Это в Екатеринбург – только на нашу область.

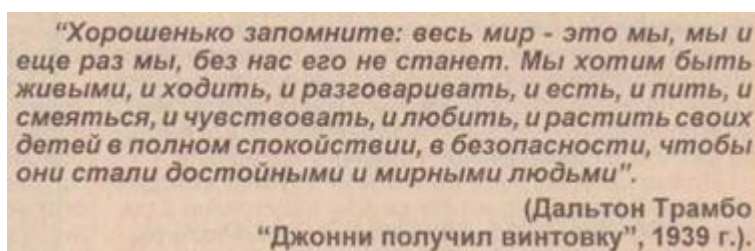
Мишу Бельтюкова, не дожившего месяц до 21-летия, проводили в последний путь с воинскими почестями. Был оркестр, почетный караул, прощальный залп. Вот только ребят допризывного и призывного возраста было до обидного мало. Все больше – девушки и немолодые матери.

У каждого из нас свое отношение, свое мерило этой и других трагедий. Семьям героически погибших псковских десантников выделили по 20 тысяч рублей. Для Ольги Бельтюковой, работающей в ОАО «БАЗ», «расщедрились» на одну.

– Что же это такое? – сокрушалась в траурной процессии старушка. – Всех наших ребят перебили, всех...

А может, это нашу совесть перебили? У того, у кого она была. И живем по принципу, противоположному Мишиным понятиям: «Лишь бы не меня!»

...Над могилой дул пронизывающий ветер. Он набирал силу, будто готовясь вознести душу усопшего воина на небеса. Туда, откуда она взглянет на бранный наш мир, погрязший в больших и малых интригах, переполненный болью, злом и насилием. Если она унесет с собой силу очищения, рано или поздно ее свет прольется на заблудшие и неокрепшие души.

Траурные речи над телом были слабой попыткой искупить нашу вину перед свершившимся. Черту под очередной в России драмой подвела пожилая женщина,

опустившая горсть земли в могилу:

– Царство тебе небесное, а нам – собачье терпение!

Ее слова прозвучали громче выступлений официальных лиц и прощальных залпов.

Александр НИКИШОВ.

Фото В. ПЕТРИКА.

**В материале использованы снимки
из семейного альбома БЕЛЬТЮКОВЫХ.**

Никишов, А. На кого ты нас оставил, СЫНОК?.. : [участник локального вооруженного конфликта между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Михаил Бельтюков, г. Краснотурьинск] / Александр Никишов ; фото В. Петрика // Заря Урала. – 2000. – 4 апр. (№ 41). – С. 1-3 : фот.